

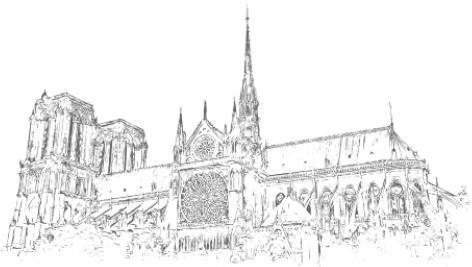
Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ.....	7
I. Большая зала.....	7
II. Пьер Гренгуар.....	26
III. Кардинал.....	39
IV. Мэтр Жак Копеноль.....	47
V. Квазимodo.....	59
VI. Эсмеральда	68
КНИГА ВТОРАЯ	71
I. Из Харибы в Сциллу.....	71
II. Грэвская площадь.....	74
III. Besos para golpes	77
IV. Неудобства, которым подвергаешься, преследуя вечером хорошенькую женщину.....	89
V. Неудачи продолжаются	95
VI. Разбитая кружка	98
VII. Брачная ночь	122
КНИГА ТРЕТЬЯ	135
I. Собор Богоматери.....	135
II. Париж с птичьего полета	147
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.....	180
I. Добрые души	180
II. Клод Фролло.....	185
III. Immanis pecoris custos, immanior ipse	191
IV. Собака и ее господин.....	201
V. Продолжение главы о Клоде Фролло.....	203
VI. Нелюбовь народа.....	211

КНИГА ПЯТАЯ	213
I. Abbas beati Martini	213
II. Вот это убьет то	227
КНИГА ШЕСТАЯ	248
I. Беспристрастный взгляд на старинную магистратуру	248
II. Крысиная нора	263
III. Рассказ о маисовой лепешке	268
IV. Слеза за каплю воды.....	295
V. Конец рассказа о лепешке.....	307
КНИГА СЕДЬМАЯ	309
I. О том, как опасно доверять свою тайну козе.....	309
II. Священник и философ не одно и то же	328
III. Колокола	340
IV. ANAGKH	343
V. Два человека в черном	361
VI. Последствия, к которым могут привести семь прозвучавших на вольном воздухе проклятий.....	369
VII. Монах-привидение	374
VIII. Как удобно, когда окна выходят на реку	384
КНИГА ВОСЬМАЯ	395
I. Экю, превратившееся в сухой лист	395
II. Продолжение главы об экю, превратившемся в сухой лист	407
III. Окончание главы об экю, превратившемся в сухой лист	413
IV. Lasciate ogni speranza.....	417
V. Мать.....	435
VI. Три мужских сердца, созданных различно	440
КНИГА ДЕВЯТАЯ	462
I. Бред	462
II. Горбатый, кривой, хромой	475
III. Глухой.....	480
IV. Глина и хрусталь	484

V. Ключ от Красных врат	497
VI. Продолжение рассказа о ключе от Красных врат	499
КНИГА ДЕСЯТАЯ.....	504
I. На улице Бернардинцев у Гренгуара одна за другой рождается несколько блестящих идей	504
II. Становись бродягой.....	517
III. Да здравствует веселье!.....	520
IV. Медвежья услуга.....	531
V. Келья, в которой Людовик Французский читает часослов.....	556
VI. Короткие клинки звенят	596
VII. Шатопер, выручай!	597
КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ	600
I. Башмачок	600
II. <i>La creatura bella bianco vestita</i> (Dante).....	642
III. Брак Феба	653
IV. Брак Квазимodo	654
ПРИЛОЖЕНИЯ	657
Герои книги.....	658
Понравившиеся цитаты	660
Мои впечатления.....	664
Шкала эмоций.....	666
Что почитать, если понравился роман	668

Несколько лет тому назад, осматривая собор Парижской Богоматери или, выражаясь точнее, обследуя его, автор этой книги обнаружил в темном закоулке одной из башен следующее начертанное на стене слово:

«ΑΝΑΓΚΗ»*

Эти греческие буквы, потемневшие от времени и довольно глубоко врезанные в камень, некие свойственные готическому письму признаки, запечатленные в форме и расположении букв, как бы указывающие на то, что начертаны они были рукой человека средневековья, и в особенности мрачный и роковой смысл, в них заключавшийся, глубоко поразили автора.

Он спрашивал себя, он старался постигнуть, чья страждущая душа не пожелала покинуть сей мир без того, чтобы не оставить на челе древней церкви этого стигмата преступлений или несчастья.

Позже эту стену (я даже точно не припомню, какую именно) не то выскобили, не то закрасили, и надпись исчезла. Именно так в течение вот уже двухсот лет поступают с чудесными церквами средневековья. Их увечат как угодно — и изнутри и снаружи. Священник их перекрашивает, архитектор скоблит; потом приходит народ и разрушает их.

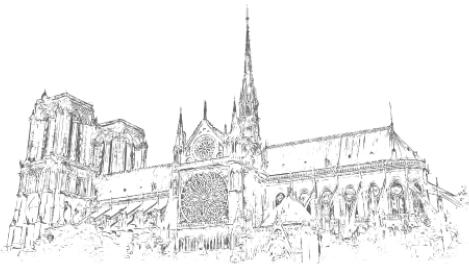
* Рок (гр.).

И вот ничего не осталось ни от таинственного слова, высеченного в стене сумрачной башни собора, ни от той неведомой судьбы, которую это слово так печально обозначало, — ничего, кроме хрупкого воспоминания, которое автор этой книги им посвящает. Несколько столетий тому назад исчез из числа живых человек, начертавший на стене это слово; в свою очередь исчезло со стены собора и само слово; быть может, исчезнет скоро с лица земли и сам собор.

Это слово и породило настоящую книгу.

Март 1831

КНИГА ПЕРВАЯ

I. БОЛЬШАЯ ЗАЛА

Триста сорок восемь лет, шесть месяцев и девятнадцать дней тому назад парижане проснулись под перезвон всех колоколов, которые неистовствовали за тремя оградами: Сите, Университетской стороны и Города.

Между тем день 6 января 1482 года отнюдь не являлся датой, о которой могла бы хранить память история. Ничего примечательного не было в событии, которое с самого утра привело в такое движение и колокола и горожан Парижа. Это не был ни штурм пикардийцев или бургундцев, ни процессия с мощами, ни бунт школяров, ни въезд «нашего грозного властелина господина короля», ни даже достойная внимания казнь воров и воровок на виселице по приговору парижской юстиции. Это не было также столь частое в XV веке прибытие какого-либо пестро разодетого и разукрашенного плюмажами иноземного посольства. Не прошло и двух дней, как последнее из них — это были фламандские послы, уполномоченные заключить брак между дофином и Маргаритой Фландрской, — вступило в Париж, к великой досаде кардинала Бурбонского, который, из утождения королю, должен был скрепя сердце принимать неотесанную толпу фламандских бургомистров и угощать их в своем Бурбонском дворце представлением «весыма прекрасной моралитэ, шуточной сатиры и фарса», пока про-

ливной дождь заливал его роскошные ковры, разостланные у входа во дворец.

Событие, которое 6 января «взволновало всю парижскую чернь», — как говорит Жеан де Труа, — было двойное празднество, объединявшее с незапамятных времен праздник Крещения с праздником шутов.

В этот день на Гревской площади зажигались потешные огни, у Бракской часовни происходила церемония посадки майского дерева, в здании Дворца правосудия давалась мистерия. Об этом еще накануне возвестили при звуках труб на всех перекрестках глашатаи господина парижского прево, разодетые в щегольские полукафтанья из ливового камлota с большими белыми крестами на груди.

Заперев двери домов и лавок, толпы горожан и горожанок с самого утра потянулись отовсюду к упомянутым местам. Одни решили отдать предпочтение потешным огням, другие — майскому дереву, третьи — мистерии. Впрочем, к чести исконного здравого смысла парижских зевак, следует признать, что большая часть толпы направилась к потешным огням, вполне уместным в это время года, другие — смотреть мистерию в хорошо защищенной от холода зале Дворца правосудия; а бедному, жалкому, еще не расцветшему майскому деревцу все любопытные единодушно предоставили зябнуть в одиночестве под январским небом, на кладбище Бракской часовни.

Народ больше всего теснился в проходах Дворца правосудия, так как было известно, что прибывшие третьего дня фланандские послы намеревались присутствовать на представлении мистерии и на избрании папы шутов, которое также должно было состояться в большой зале Дворца.

Нелегко было пробраться в этот день в большую залу, считавшуюся в то время самым обширным закрытым помещением на свете. (Правда, Соварль тогда еще не обмерил громадный зал в замке Монтаржи.) Запруженная народом площадь перед Дворцом правосудия представлялась зрителям, глядевшим на нее из окон, морем, куда пять или шесть улиц, подобно устьям рек, непрерывно извергали все новые потоки голов. Непрестанно возраставая, эти людские волны разбивались об углы домов, выступавшие то тут, то там, подобно высоким мысам в неправильном водоеме площади.

Посредине высокого готического* фасада Дворца правосудия находилась главная лестница, по которой безостановочно поднимался и спускался двойной поток людей; расколоввшись ниже, на промежуточной площадке, надвое, он широкими волнами разливался по двум боковым спускам; эта главная лестница, как бы непрерывно струяясь, сбегала на площадь, подобно водопаду, низвергавшемуся в озеро. Крик, смех, топот тысяч ног производили страшный шум и гам. Время от времени этот шум и гам усиливался: течение, несшее всю эту толпу к главному крыльцу, поворачивало вспять и, крутясь, образовывало водовороты. Причиной тому были либо стрелок, давший кому-нибудь тумака, либо лягавшаяся лошадь начальника городской стражи, водворяв-

* Слово «готический» в том смысле, в каком его обычно употребляют, совершенно неточно, но и совершенно неприкосновенно. Мы, как и все, принимаем и усваиваем его, чтобы охарактеризовать архитектурный стиль второй половины Средних веков, в основе которого лежит стрельчатый свод — преемник полуциркульного свода, породившего архитектурный стиль первой половины тех же веков. — Примеч. авт.

шего порядок; эта милая традиция, завещанная парижским прево коннетаблям, перешла от коннетаблей по наследству к конной страже, а от нее к нынешней жандармерии Парижа.

В дверях, в окнах, в слуховых оконцах, на крышах домов кишили тысячи благодушных, безмятежных и почтенных горожан, спокойно глязевших на Дворец, глазевших на толпу и ничего более не желавших, ибо многие парижане довольствуются зрелищем самих зрителей, и даже стена, за которой что-либо происходит, уже представляет для них предмет, достойный любопытства.

Если бы нам, живущим в 1830 году, дано было мысленно вмешаться в толпу парижан XV века и, получая со всех сторон пинки, толчки, еле удерживаясь на ногах, проникнуть вместе с ней в эту обширную залу Дворца, казавшуюся в день 6 января 1482 года такой тесной, то зрелище, представившееся нашим глазам, не лишено было бы занимательности и очарования; нас окружили бы вещи столь старинные, что они для нас были бы полны новизны.

Если читатель согласен, мы попытаемся хотя бы мысленно воссоздать то впечатление, которое он испытал бы, перешагнув вместе с нами порог этой обширной залы и очутившись среди толпы, одетой в хламиды, полукафтанья и безрукавки.

Прежде всего мы были бы оглушены и ослеплены. Над нашими головами — двойной стрельчатый свод, отделанный деревянной резьбой, расписанный золотыми лилиями по лазурному полу; под ногами — пол, вымощенный белыми и черными мраморными плитами. В нескольких шагах от нас огромный стол, затем другой, третий — всего на протяжении залы семь таких столбов, служащих линией опоры для пяток двойного свода. Вокруг первых четырех столбов — лавочки тор-

говцев, сверкающие стеклянными изделиями и мишурой; вокруг трех остальных — истертые дубовые скамьи, отполированные короткими широкими штанами тяжущихся и мантиями стряпчих. Кругом залы вдоль высоких стен, между дверьми, между окнами, между столбами — нескончаемая вереница изваяний королей Франции, начиная с Фарамонда: королей нерадивых, опустивших руки и потупивших очи, королей доблестных и воинственных, смело подъявших чело и руки к небесам. Далее, в высоких стрельчатых окнах — тысячицветные стекла; в широких дверных нишах — богатые, тончайшей резьбы двери; и все это — своды, столбы, стены, наличники окон, панели, двери, изваяния — сверху донизу покрыто великолепной голубой с золотом раскраской, успевшей к тому времени уже слегка потускнеть и почти совсем исчезнувшей под слоем пыли и паутины в 1549 году, когда дю Брель по традиции все еще восхищался ею.

Теперь вообразите себе эту громадную продолговатую залу, освещенную сумеречным светом январского дня, наводненную пестрой и шумной толпой, которая плывет по течению вдоль стен и вертится вокруг семи столбов, и вы уже получите смутное представление обо всей той картине, любопытные подробности которой мы попытаемся обрисовать точнее.

Несомненно, если бы Равальяк не убил Генриха IV, не было бы и документов о деле Равальяка, хранившихся в канцелярии Дворца правосудия; не было бы и сообщников Равальяка, заинтересованных в исчезновении этих документов; значит, не было бы и поджигателей, которым, за неимением лучшего средства, пришлось сжечь канцелярию, чтобы сжечь документы, и сжечь Дворец правосудия, чтобы сжечь канцелярию;

следовательно, не было бы и пожара 1618 года. Все еще высился бы старинный Дворец с его ста-ринной залой, и я мог бы сказать читателю: «Пойдите, полюбуйтесь на нее»; мы, таким об-разом, были бы избавлены: я — от описания этой залы, а читатель — от чтения сего посредствен-ного описания. Это подтверждает новую истину, что последствия великих событий неисчислимы.

Весьма возможно, впрочем, что у Равальяка никаких сообщников не было, а если, случайно, они у него и оказались, то могли быть совершенно не-причастны к пожару 1618 года. Существуют еще два других весьма правдоподобных объяснения. Во-первых, огромная пылающая звезда, шириной в фут, длиною в локоть, свалившаяся, как всем из-вестно, с неба 7 марта после полуночи на крышу Дворца правосудия; во-вторых, четверостишие Те-офиля:

Да, шутка скверная была,
Когда сама богиня Права,
Съев пряных кушаний немало,
Себе все нёбо обожгла*.

Но, как бы ни думать об этом тройном — по-политическом, метеорологическом и поэтиче-ском — толковании, прискорбный факт пожара остается несомненным. По милости этой ката-строфы, в особенности же по милости всевоз-можных последовательных реставраций, уничто-живших то, что пощадило пламя, немногое уце-лело ныне от этой первой обители королей Франции, от этого Дворца, более древнего, чем Лувр, настолько древнего уже в царствование ко-rolля Филиппа Красивого, что в нем искали следов

* Игра слов: épice по-французски — и «пряности», и «взятка»; palais — и «нёбо», и «дворец».

великолепных построек, воздвигнутых королем Робером и описанных Эльгальдусом.

Исчезло почти все. Чтосталось с кабинетом, в котором Людовик Святой «завершил свой брак»? Где тот сад, в котором он, «одетый в кам- лотовую тунику, грубого сукна безрукавку и плащ, свисавший до черных сандалий», возлежа вместе с Жуанвилем на коврах, вершил правосудие? Где покой императора Сигизмунда? Карла IV? Иоанна Безземельного? Где то крыльцо, с ко- торого Карл VI провозгласил свой милостивый эдикт? Где та плита, на которой Марсель в при- сутствии дофина зарезал Робера Клермонского и маршала Шампанского? Где та калитка, возле которой были изорваны буллы антипапы Бене- дикта и откуда, облаченные на посмешнице в ризы и митры и принужденные публично каяться на всех перекрестках Парижа, выехали обратно те, кто привез эти буллы? Где большая зала, ее позо- лота, ее лазурь, ее стрельчатые арки, статуи, ка- менные столбы, ее необъятный свод, весь в скуль- птурных украшениях? А вызолоченный покой, у входа в который стоял коленопреклоненный ка- менный лев с опущенной головой и поджатым хвостом, подобно львам Соломонова трона, в позе смирения, как то приличествует грубой силе перед лицом правосудия? Где великолепные двери, великолепные высокие окна? Где все чекан- ные работы, при виде которых опускались руки у Бискорнета? Где тончайшая резьба дю Ганси?.. Что сделало время, что сделали люди со всеми этими чудесами? Что получили мы взамен всего этого, взамен этой истории галлов, взамен этого искусства готики? Тяжелые полукруглые низкие своды господина де Броса, сего неуклюзого стро- ителя портала Сен-Жерве, — это взамен искус- ства; что же касается истории, то у нас сохрани-

лись лишь многословные воспоминания о центральном столбе, которые еще доныне отдаются эхом в болтовне всевозможных господ Патрию.

Но все это не так уж важно. Обратимся к подлинной зале подлинного древнего Дворца.

Один конец этого гигантского параллелограмма был занят знаменитым мраморным столом такой длины, ширины и толщины, что если верить старинным описям, стиль которых мог возбудить аппетит у Гаргантюа, «подобного ломтя мрамора никогда не было видано на свете»; противоположный конец занимала часовня, где стояла изваянная по приказанию Людовика XI статуя, изображающая его коленопреклоненным перед Пречистой Девой, и куда он, невзирая на то что две ниши в ряду королевских изваяний остаются пустыми, приказал перенести статуи Карла Великого и Людовика Святого — двух святых, которые в качестве королей Франции, по его мнению, имели большое влияние на небесах. Эта часовня, еще новая, построенная всего только лет шесть тому назад, была создана в изысканном вкусе того очаровательного, с великолепной скульптурой и тонкими чеканными работами зодчества, которое отмечает у нас конец готической эры и удерживается вплоть до середины XVI века в волшебных архитектурных фантазиях Возрождения.

Небольшая сквозная розетка, вделанная над порталом, по филигранности и изяществу работы представляла собой настоящий образец искусства. Она казалась кружевной звездой.

Посреди залы, напротив главных дверей, было устроено прилегавшее к стене возвышение, обтянутое золотой парчой, с отдельным входом через окно, пробитое в этой стене из коридора, смежного с вызолоченным покоем. Предназнача-

лось оно для фламандских послов и для других знатных особ, приглашенных на представление мистерии.

По издавна установившейся традиции представление мистерии должно было состояться на знаменитом мраморном столе. С самого утра он уже был для этого приготовлен. На его великолепной мраморной плите, вдоль и поперек исцарапанной каблуками судейских писцов, стояла довольно высокая деревянная клетка, верхняя плоскость которой, доступная взорам всего зрительного зала, должна была служить сценой, а внутренняя часть, задрапированная коврами, — одевальной для лицедеев. Бесхитростно приставленная снаружи лестница должна была соединять сцену с одевальной и предоставлять свои крутые ступеньки и для выхода актеров на сцену, и для ухода их за кулисы. Таким образом, любое неожиданное появление актера, перипетии действия, сценические эффекты — ничто не могло миновать этой лестницы. О невинное и достойное уважения детство искусства и механики!

Четыре судебных пристава Дворца, непременные надзиратели за всеми народными увеселениями как в дни празднеств, так и в дни казней, стояли на карауле по четырем углам мраморного стола.

Представление мистерии должно было начаться только в полдень, с двенадцатым ударом больших стенных дворцовых часов. Несомненно, для театрального представления это было несколько позднее время, но оно было удобно для послов.

Тем не менее вся многочисленная толпа народа дожидалась представления с самого утра. Добрая половина этих простодушных зевак с рассвета дрогла перед большим крыльцом Дворца;

иные даже утверждали, будто они провели всю ночь, лежа поперек главного входа, чтобы первыми попасть в залу. Толпа росла непрерывно и, подобно водам, выступающим из берегов, постепенно вздымалась вдоль стен, вздувалась вокруг столбов, заливала карнизы, подоконники, все архитектурные выступы, все выпуклости скульптурных украшений. Немудрено, что давка, нетерпение, скука в этот день, дающий волю зубоскальству и озорству, возникающие по всякому пустяку ссоры, будь то соседство слишком острого локтя или подбитого гвоздями башмака, усталость от долгого ожидания — все, вместе взятое, еще задолго до прибытия послов придавало ропоту этой запертой, стиснутой, сдавленной, задыхающейся толпы едкий и горький привкус. Только и слышно было, что проклятия и сетования по адресу фланандцев, купеческого старшины, кардинала Бурбонского, главного судьи Дворца, Маргариты Австрийской, стражи с плетьями, стужи, жары, скверной погоды, епископа Парижского, папы шутов, каменных столбов, статуй, этой закрытой двери, того открытого окна — и все это к несказанной потехе рассеянных в толпе школьников и слуг, которые подзадоривали общее недовольство своими острыми словечками и шуточками, еще больше возбуждая этими булавочными уколами общее недовольство. Среди них отличалась группа веселых сорванцов, которые, выдавив предварительно стекла в окне, бесстрашно расселись на карнизе и оттуда бросали свои лукавые взгляды и замечания попеременно то в толпу, находящуюся в зале, то в толпу на площади. Судя по тому, как они передразнивали окружающих, по их оглушительному хохоту, по насмешливым окликам, которыми они обменивались с товарищами через всю залу, видно